

Выводы. С точки зрения мыслителя, будущее человечества обуславливает необходимость изменения человека и общества, причем без нового человека невозможно новое общество. «Нельзя отделить свое знание о себе от знания об обществе, – пишет он. – В этом ошибка Фрейда и многих других аналитиков, которые хотят получить «прозрение» в отношении себя и оставаться слепыми в отношении общественных процессов».

Таким образом, Э. Фромм полагает, что человеческая природа определяет условия, в которых живет человек, а общество формирует определенный тип социального характера. Активность социального характера направлена на стабилизацию и укрепление социума, тогда как активность человеческой природы – на его изменение. И социальный характер и человеческая природа – активные факторы, влияющие на течение истории.

Перспективы. Данная статья послужит основанием для дальнейшего анализа актуальных социально-философских идей Э. Фромма.

Библиографические ссылки

1. Куркин Б. А. Гуманистическая утопия Э. Фромма / Б. А. Куркин // Вопр. философии. – 1983. – № 2. – С. 85–94.
2. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
3. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992.
4. Фромм Э. Искусство любить / Э. Фромм // Исследование природы любви. – М.: Педагогика, 1990. – 158 с.
5. Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм // Мужчина и женщина. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 1998. – С. 129–452
6. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990.
7. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск: Коллегиум, 1992. – 175 с.

Надійшла до редколегії 10.01.2012 р.

УДК 1 (091) «19»

С. Г. Карпова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ГЕТЕРОТОПИИ И УТОПИИ Р. БАРТА И М. ФУКО

Анализируется пространственный дискурс постструктуралистской философии на примере концептов «гетеротопия» и «утопия» в построениях Р. Барта и М. Фуко.

Ключевые слова: гетеротопия, рисунок, текст, утопия, фотография.

Аналізується просторовий дискурс постструктуралістської філософії на прикладі концептів «гетеротопія» та «утопія» в побудовах Р. Барта і М. Фуко.

Ключові слова: гетеротопія, малюнок, текст, утопія, фотографія.

The spatial discourse of post-structuralist philosophy as an example the concepts of «heterotopia» and «utopia» in the constructions of R. Barthes and M. Foucault is analyzed.

Keywords: heterotopias, drawing, text, utopia, photography.

Фукольдиданская археология знания находит свое продолжение в концепциях многих философов XX в. Наиболее яркое выражение археологическая методология приобретает в построениях Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж. Деррида. В данной статье рассмотрим один из интересных и малоисследованных аспектов постфилософии – археологические «пространственные» дис-

курсы не только собственно инициатора археологии знания – Мишеля Фуко, но и его не менее известного современника – Ролана Барта.

При анализе текстов М. Фуко, а также других постструктуралистов (и особенно – Р. Барта), огромный интерес представляет сама специфика их письма, которой присуща очевидная «поэтичность мышления». При этом мы предполагаем, что это «поэтическое мышление» обладает действенно-векторным проявлением и в связи с постфилософией М. Фуко (в определенном смысле регулирующей дискурсивные практики Р. Барта и других постфилософов) и может быть обозначено в терминах, предложенных С. Шевцовым. Поэтическое мышление тут как акт (в определенном смысле) и действие «...есть процесс, во-первых, апофантический, проясняющий основы бытия человека, во-вторых, анафорический, где человек совершает восхождение к истине своего бытия, в-третьих, метафорический, переносящий его в иное понимание и видение бытия, где мир предстает таким, каков он есть...» [12, с. 342]. В этом смысле М. Фуко формирует последующие постструктуралистские дискурсы Р. Барта не только через «историческую» реальность (как то под воздействием издания своих научных работ или взаимодействия на учебно-интеллектуальном уровне), но и через «возрождение» (присущей еще ранее французской культуре) специфической метафорической и каламбурной «культуры слова». Так, эта «культура слова» потом наиболее ярко проявится в построениях Ж. Деррида, которого (по словам исследователя постфилософии И. Ильина) позже обвинят в выражении своих мыслей на «патагонском языке» [6]. В этом есть определенное «стилевое» единство М. Фуко и Ж. Деррида, так как первому присуща такая же «игра с текстом» и использование терминологической лексики из разных областей знания, также как и второму. Определенное «стилевое» единство при написании философского текста мы, например, сможем обнаружить при сравнении текстов М. Фуко «Это не трубка» [11], Р. Барта «S / Z» [3] и Ж. Деррида «О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только» [5]. Однако есть вторая, наиболее важная «ситуации пересечения», которая непосредственно связана со смыслообразующими моментами, берущими начало в пространственном измерении через «места» и «гетеротопии».

Так, в докладе «Другие пространства. Гетеротопии» [14], Мишель Фуко рассматривает вопросы топологии и картографии через историческую перспективу (таким образом, косвенно вводя археологию знания как метод в процесс исследования) и прослеживая, как изменяется отношение к пространству. Во многом это становится возможным благодаря введению понятия «гетеротопия». По сути, концепт гетеротопии, предложенный М. Фуко, принципиально отличен от концепта всех пропорциональных человеческому бытию мест и является особым пространством науки как модуса человеческого бытия. Также фукольдская «гетеротопия» отличается по своему содержанию и специфике от «гетеротопии сознания» у Ж. Лакана [8]; от «гетерономии» К. Касториадиса, предполагающего, что «...самоотчуждение или гетерономия общества не являются «простым представлением» или неспособностью общества представлять себя иначе, как устанавливаемое свыше» [7, с. 456]; и от «гетеротопии» в первоначальном значении.

Гетеротопия (по своему первоначальному значению) имеет отношение к вопросам биогенетики и закономерностям эволюции и представляет собой «изменение места закладки и развития органа у животных в процессе их индивидуального развития – онтогенеза; один из путей эволюционной перестройки организма. Гетеротопия возникает вследствие миграции клеток из одного зародышевого листка в другой, смещения клеток в пределах данного зародышевого листка или вторичного смещения органов» [4]. В то же время гетеротопия в смысле фукольдского представляет собой места (положения), где «реальные положения, все другие реальные положения, которые можно найти в культуре, являются одновременно репрезентированными, оспоренными и опровергнутыми» [14]. Противоположным понятию «гетеротопии» становится «утопия», которая в контексте фукольдской философии играет роль «контрпозиции» эффективно установленной гетеротопии и является позицией «без реального места» [14].

Так как в данном случае мы обозначиваем и раскрываем специфику археологических дискурсов, повлиявших на формирование постструктуралистской мысли (на примере Р. Барта), то в первую очередь обратим внимание на пространство не как утопию, а как гетеротопию в фукольдиданском смысле, отдельную и самоорганизованную. Причем здесь необходимо важным моментом становится проблема гетеротопии в «художественном значении». Например, когда мы говорим о фотографии, тема гетеротопии и утопии М. Фуко «пересекается» с темой другого постструктуралистского философа – Р. Барта. Однако если рассматривать бартовское понятие фотографии, то в первую очередь это касается темы утопии, а потом уже гетеротопии. Это объясняется тем, что с эстетической точки зрения, являясь одновременно самодостаточным и «частным», денотативное изображение представляет собой специфический вид изображения, лишенное коннотаций, особого рода утопическое изображение, в определенном смысле объективное и «непорочное». Барт отмечал: «Утопичность денотации становится еще больше очевидной благодаря отмеченному выше парадоксу; он состоит в том, что фотография (в ее «буквальном» измерении), в силу своей откровенно аналогической природы, есть, по всей видимости, сообщение без кода» [1, с. 309]. И потому, учитывая, что буквальную информацию (без помощи особых правил трансформации и дискретных знаков) способна только фотография передавать (из всех видов изображений), то и структурный анализ изображения должен проводиться специфическими средствами. Это объясняется еще и тем, что на уровне «буквального» сообщения в фотографии отсутствие кода «подкрепляет миф» о природности фотографического изображения (благодаря тому, что «означающие» и «означаемые» связаны отношениями «запечатления», а не «трансформации»). И потому, как отмечает Барт, «все происходит словно в утопии: сначала имеется фотография как таковая (фронтальная и четкая), а уж затем человек, пользуясь определенными техническими приемами, испещряет ее знаками, взятыми из культурного кода» [1, с. 310]. Однако наступает момент, когда «утопия» Р. Барта сливается с «утопией» М. Фуко (гетеротопичной по своей специфике). Это, возможно, происходит на уровне соотношения проблемы «рисунка» (Фуко) и «фотографии» (Барта). Гетеротопичностью, по Фуко, обладают даже некоторые места в самом «фокусе» единого преобладающего социального пространства. Тем не менее, когда же проявляется «утопичность»? Ведь если «утопичность» в смысле бартовском нами была уже обозначена, то утопичность по Фуко не в полной мере. В связи с этим соотношение двух «утопий» оказывается затруднено. Для прояснения данной ситуации необходимо использовать метафору зеркала (которая встречается в фукольдиданских построениях). Французский философ отмечает, что в тот момент, когда «Я» вглядываюсь в свое изображение в зеркале, мой «возвращающий» взгляд утверждает меня в экзистенции, и, таким образом, то, куда я вглядываюсь, – Утопия, а что на меня «вглядывается» и утверждает из зеркала – «гетеротопия» [14]. И таким образом оказывается, что «утопия» выступает как существование «теперь», но одновременно и «не здесь», а само «появление» гетеротопии, с одной стороны, утверждает в экзистенции «Я», а с другой стороны, уничтожает «утопию».

В свою очередь «скрытое» гетеротопическое и утопическое «отражение» имеет свой лингвистический аспект в постструктуралистских построениях Р. Барта и М. Фуко. А этот лингвистический аспект отсылает нас в область археологической методологии и картографии социальной реальности. То, что этот текстово-лингвистический «момент» необходимо отправляет нас в область археологическую, видно хотя бы благодаря тому, что он необходимо фиксируется фукольдиданским концептом «высказывание». Так, Барт пишет о соотношении текста и фотографии (с нашей точки зрения как своеобразного «феноменологического» явления) и незаметно для самого себя «сближается» с фукольдиданской позицией относительно формирования знания в определенный момент под «воздействием» высказывания и слова. Например, Р. Барт отмечает: «Фотография – область чистой случайности и ничем иным быть не может (ведь изображено всегда нечто), – в противоположность тексту, который под неожиданным воздействием одного-единственного слова может перевести фразу с уровня

описания на уровень рефлексии, – она незамедлительно выдает «детали», составляющие первичный материал этнологического знания» [2, с. 48]. В этой ситуации мы сталкиваемся с фотографией (в определенном случае она может выступать как высказывание, специфическое по своему проявлению) как с примером «утопии» в лингвистическом пространстве.

Точно так же, как в концепции Р. Барта фото и текст не сводятся в одном пространстве, у М. Фуко язык оказывается несовместим с живописью (а в нашем случае, с рисунком, как проявлением живописи). И также «скрыто» появляется рисунок как своеобразная «утопичность» (с гетеротопическими проявлениями). Фуко пишет об этом при «археологическом анализе» пространства: «Однако отношение языка к живописи является бесконечным отношением. Дело не в несовершенстве речи и не в той недостаточности ее перед лицом видимого, которое она напрасно пыталась бы восполнить. Они несводимы друг к другу: сколько бы ни называли видимое, оно никогда не умещается в названном; и сколько бы ни показывали посредством образов, метафор, сравнений то, что высказывается, место, где расцветают эти фигуры, является не пространством, открытым для глаз, а тем пространством, которое определяют синтаксические последовательности» [10, с. 46]. Немного позже, уже в работе «Это не трубка», М. Фуко рассмотрит гетеротопическое пространство (через анализ «утопического» пространства), исследуя рисунок Р. Магритта: «Все надежно закреплено внутри школьного пространства: картина или доска «показывает» рисунок, «показывающий» форму трубки; и текст, написанный усердным учителем, «показывает», что речь идет действительно о трубке. Указка учителя, которую мы не видим, тем не менее царит надо всем, так же как и его голос, весьма отчетливо выговаривающий: «Это трубка». От картины к изображению, от изображения к тексту, от текста к голосу эта своего рода указка свыше отмечает, показывает, фиксирует, устанавливает, навязывает систему отсылок, пытается утвердить единое пространство» [11]. Когда определенный аспект изобразительного искусства становится «зримым» через его словесное, текстовое описание, когда существует вначале картина, рисунок или фотография, а потом она из области «видимого» переходит в область «говорения» и «письма», тогда можно фиксировать не просто риторическое упражнение, а инструмент, формирующий образы в воображении «слушающего» и «читающего». Тогда же можно говорить об экфрасисе. Этот инструмент в фукольдиданских построениях также замечает У. Эко, однако он лишь фиксирует наличие его в одной из работ М. Фуко: «...отличными образцами экфрасиса являются многие примеры детального анализа той или иной картины, проведенного искусствоведами, а знаменитым описанием «Менин» Веласкеса, как известно, открывается книга Мишеля Фуко «Слова и вещи»» [13, с. 250].

Рассмотрим этот тезис У. Эко (который итальянский философ, кстати, не разворачивает в связи с фукольдиданскими построениями при своем дальнейшем исследовании) и отметим, что здесь проявляется действие археологической методологии, в которой экфрасис оказывается вспомогательным и «знаковым» моментом выявления дискурса через набор высказываний, таким образом обозначивая семиотическую специфику археологии. По сути этот «экфрасис» реализуется благодаря анализу с помощью археологии знания. Так, анализируя дискурсы, фукольдиданская археология, с одной стороны, образует экфрасисы, а с другой – их исследует, и это становится возможным благодаря концепту «высказывание»; по сути в отдельных случаях экфрасис является видом высказывания.

Возможно, как бы заменяя метафору зеркала (в связи с идеей гетеротопии и утопии), на ее место в этих постструктуралистских построениях Фуко и Барта приходит фотография и живопись (как рисунок). Но, несмотря на эти «тонкости», гетеротопия М. Фуко выступает «новым инструментом» для феноменологического осмысления науки. Если, по Фуко, гетеротопия подобна зеркалу, то по своему отражающему и «искажающему» (противоположно) эффекту она во многом окажется тождественной фотографии в смысле бартовском, несмотря на его «утопичную» природу (конечно, если мы не имеем дело с «буквальным» пониманием фотографии). Этот момент оказывается вероятным, в том числе

благодаря археологическому анализу, посредством которого М. Фуко предлагает анализировать живопись в работе «Археология знания» и в этом плане он как бы неявно продолжает идею Р. Барта, выраженную им в работе «Риторика образа». Тем не менее, если Барт не предлагает «четкого» решения для проведения структурного анализа изображения (а переходит на сравнительный анализ «буквального» изображения – фотографии), то Фуко предлагает анализировать живопись как дискурсивную практику, воплощенную в эффектах и технике, которая пронизана «позитивностью знания». То, что «сближает» здесь двух философов – это «позитивность знания», которую несет на себе фукольдианская живопись, и наличие у бартовского рисунка (как живописи) кода, который тоже обладает своего рода смысловой загруженностью и «позитивностью». Барт отмечает, что рисунок «...даже будучи денотативным, все-таки является сообщением, построенным на базе определенного кода» [1, с. 309]. Важно здесь, что М. Фуко все-таки идет дальше «позитивности» и предлагает использовать археологический анализ (тем самым вводя свой метод в исследование в направлении такой дискурсивной практики, как живопись), «расширяя» пространство: «...археологический анализ... ищет такое пространство, дистанцию, глубину, цвета, свет, пропорции, объем, контуры и проч., которые не были в исследуемый период рассмотрены, обозначены, высказаны, концептуализированы в дискурсивной практике... Речь идет не о том, чтобы доказать, что живопись – способ означения или «говорения»... Наша задача состоит в том, чтобы показать, что, по крайней мере в одном из своих измерений, живопись является дискурсивной практикой...» [9, с. 192]. Однако это лишь один из моментов, который объединяет М. Фуко и Р. Барта в едином «смысловом» археологическом пространстве, специфику которого можно уяснить, вернувшись к рассмотрению гетеротопии.

Тут важно уточнить, что потенциально гетеротопии, оказавшись помещенными «внутри» общественного пространства в определенный момент оказываются «вытесняемыми», в связи с «замкнутостью» в пространстве. И, в определенный момент, фотография в бартовском («буквальном» смысле) приобретает новую «жизнь» и специфику, становится иной (и через «утопичность») и приобретает гетеротопичность (уже в фукольдианском смысле). Это становится возможным, как мы думаем, в тот момент, когда «промежуточные» художественные пространства становятся «активизаторами» движения, что приводит (через направленные потоки, «прерывания» и «отвлечения») к формированию чего-то «зримого». Таким образом, за счет «случайности» гетеротопических пространств происходит трансформация исходного замысла изображения (в том числе и благодаря влиянию «внешнего»). Важно, что в таком случае гетеротопии (будь то фотография не в «буквальном» значении или рисунок) оказываются таковыми, что не имеют окончательной формы, так как со временем, распадаясь на составляющие, формируют пространство для новых гетеротопий. Во многом за счет своеобразного «конфликта» влияющего внешнего мира на гетеротопии возникает фото- и графо-«документация», которая одновременно формирует, «устанавливает» и уничтожает исходную гетеротопию. Фото- и графо- документация, в свою очередь, фиксирует картографию социальности, устанавливая ее картографический момент посредством исследования на уровне археологии знания.

Отметим относительно гетеротопии фукольдианской, что все системы и институты по Фуко оказываются подверженными гетеротопии. За счет того, что постоянным движением «задан» наш ежедневный ритм, то получается, что мы движемся в топологически-картографическом социальном пространстве от «места» к «месту» и к «конечному» пункту «назначения» – гетеротопическим пространствам. Причем эти «места-пункты назначения», благодаря «движению», становятся «транзитными станциями», которые во многом существуют независимо друг от друга, «замкнутые системы» внутри нашего пространства реальности. Таким образом, это «усиливает» переплетение «карт социальности» (как то – безумия, знания, власти и сексуальности) не только между собой (и в философских построениях М. Фуко), но и с «пространствами» других философов-постструктуралистов – Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и Ж. Деррида.

В работе М. Фуко «Слова и вещи» (в связи с анализом творчества Борхеса) гетеротопии предстают в несколько ином смысле: «Гетеротопии тревожат, видимо, потому, что незаметно они подрывают язык; потому что они мешают называть это и то; потому что они «разбивают» нарицательные имена или создают путаницу между ними; потому что они заранее разрушают «синтаксис», и не только тот, который строит предложения, но и тот, менее явный, который «сцепляет» слова и вещи... Именно поэтому утопии делают возможными басни и рассуждения: они лежат в фарватере языка, в фундаментальном измерении фабулы; гетеротопии... засушивают высказывание, делают слова автономными; оспаривают, начиная с ее основ, всякую возможность грамматики; они приводят к развязке мифы и обрекают на бесплодие лиризм фраз» [10, с. 31]. И тогда, когда явление имеет отношение к гетеротопическому «зеркальному» отражению, то оно невозможно без дискурсивных эффектов. Дискурсивные эффекты, в свою очередь, необходимо отсылают нас в область археологии знания, так как их анализ и исследование становятся возможными во многом благодаря археологической методологии и анализу высказывания.

Итак, фукольдьянское осмысление концептов «гетеротопия» и «утопия» (через «место» и «рисунки») находит свое продолжение в бартовском осмыслении «кутопии» (через «фотографию»). Здесь общим местом становится в том числе лингвистический аспект, и это, в свою очередь, акцентирует пребывание в едином археологическом дискурсе.

Библиографические ссылки

1. **Барт Р.** Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – С. 297–319.
2. **Барт Р.** Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт. – М.: Ad Marginem, 1997. – 223 с.
3. **Барт Р.** S/Z / Р. Барт. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
4. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article009993.html>
5. **Деррида Ж.** О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Ж. Деррида. – Мн.: Современный литератор, 1999. – 832 с.
6. **Ильин И. П.** Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
7. **Касториадис К.** Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – М.: Гнозис, 2003 – 480 с.
8. **Лакан Ж.** Семинары II: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) / Ж. Лакан. – М.: Гнозис; Логос, 1999. – 520 с.
9. **Фуко М.** Археология знания / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
10. **Фуко М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-скад., 1994. – 405 с.
11. **Фуко М.** Это не трубка [Электронный ресурс] / М. Фуко. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/trubka.php
12. **Шевцов С. В.** Метафизика и мифология поэтического мышления (античность – современность: событийный диалог) : [Моногр.] / С. В. Шевцов. – Д.: Изд-во Днепр-петр. нац. ун-та, 2007. – 364 с.
13. **Эко У.** Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.
14. **Foucault M.** Of Other Spaces. Heterotopias (1967) [Электронный ресурс] / M. Foucault. – Режим доступа: <http://www.foucault.info/documents/heterotopia/foucault.heterotopia.en.html>

Надійшла до редколегії 25.01.2012 р.

УДК 167

О. В. Кісіль

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара